

Афган: последняя война СССР

ВОЙСКОВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ В АФГАНЕ

*Записки начальника
разведки дивизии*

Николай Кузьмин

Николай Михайлович Кузьмин
Войсковые разведчики
в Афгане. Записки
начальника разведки дивизии
Серия «Афган:
Последняя война СССР»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700179

Войсковые разведчики в Афгане. Записки начальника разведки дивизии /

Николай Кузьмин.: Яуза, Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-9955-67643-9

Аннотация

Новая серия о последней войне СССР. «Афганская правда» войсковых разведчиков, чей девиз: «Душманы делают что могут, а мы – что хотим». Воспоминания начальника разведки дивизии, воевавшей в Афгане все девять лет и потерявшей только убитыми более 2700 человек. «Разведчиков совали во все «дыры», начиная от сопровождения колонн до участия в высадке аэромобильных десантов. А ведь кроме этого у нас были еще и специфические действия, характерные только для разведчиков: засады, налеты, разведывательно-поисковые, разведывательно-

ударные, диверсионные действия. Спросите любого ветерана-разведчика, он вам скажет, что на разведку везде и всегда возлагали самые сложные и опасные задачи. Боевая работа была сущностью нашей жизни. Пробыв в Афганистане «чистых» 643 дня, не знаю, сколько раз я был в боевых ситуациях: может, 400, может, 500 раз. Только солдаты и офицеры невоевавших подразделений и штабов считали боевые выходы, так как для них каждый такой выход – событие. А для разведчиков, мотострелков, танкистов, десантников, саперов это было повседневной жизнью... Возможно, многие истории, рассказанные здесь, кого-то шокируют своей жесткостью и откровенностью, но это правда войны. Так было, и от этого не уйти... Светлой памяти войсковых разведчиков Афганистана, павших и живых, я посвящаю эту книгу!»

Содержание

Предисловие	5
Афганистан. Первое знакомство	16
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кузьмин Николай Михайлович Войсковые разведчики в Афгане. Записки начальника разведки дивизии

Предисловие

Тема войны в Афганистане занимает значительное место в современной исторической, художественной литературе, кинематографии. И действия разведчиков как наиболее активных участников этой войны, людей самой загадочной и романтической воинской профессии, рассматриваются там с наибольшим интересом.

Просматривая очередной «афганский» фильм с лихо закрученным сюжетом, отчетливо понимаешь, что это всего лишь коммерческий проект, и в нем почти нет ничего общего с тем, чем занимались в Афганистане разведчики.

Я весь свой почти двухгодичный срок в Афганистане про-

служил в одной дивизии – 201 мотострелковой, и в одной должности – начальником разведки этой дивизии, потому отвечаю за свои слова. Во всех событиях, описанных в этой книге, я был или непосредственным их участником, или имел непосредственный контакт с персонажами моих очерков.

Очерк «Две трагедии 783 орб» особенный. Это историческое расследование памятных и трагических боев 783 орб нашей дивизии 3 августа 1980 и 17–18 июня 1986 года, в которых я личного участия не принимал, но знаю о них от очевидцев и непосредственных участников.

В книге опубликовано около 100 фотографий моих однополчан-разведчиков, многие из которых погибли. Вглядитесь в эти молодые лица!

На обложке книги не случайно находится фотография ущелья Машхад в горах Памира. Здесь, в отрогах этого ущелья, произошла первая упомянутая трагедия, унесшая жизни около 70 солдат и офицеров нашей дивизии.

В этом расследовании мне помогли некоторые материалы российского писателя-афганца, бывшего редактора дивизионной газеты «За честь Родины» Алескандера Рамазанова, написавшего книги о 201 мсд под названием «Дивизия цвета хаки», «Последний легион империи» и «Трагедия в ущелье Шаеста».

Описание второй трагедии – событий 17–18 июня 1986 года, взяты мною из воспоминаний бывшего командира раз-

ведывательного батальона полковника П.В. Корытного, офицеров и солдат – участников этого боя, опубликованных в сети Интернет и печатных источниках.

Очерк «На крыше мира» для большей полноты картины событий тех лет мною дополнен выдержками из повести писателя-афганца Глеба Боброва «Песчаный поход». Будучи солдатом-снайпером в 860 омсп, награжденным высшей солдатской наградой – медалью «За отвагу», он детально описал отдельные события, произошедшие в их полку в тот период 1984 года, когда наша дивизия совместно с ними вела боевые действия в провинции Файзабад.

Провел я и собственные исследования.

В первую очередь, это работа с топографическими картами для уточнения районов, где произошли описанные события. Для меня это было как бы возвращением в те далекие годы и возможностью снова пережить чувства и мысли, которыми я тогда жил.

Основательно пришлось поработать с «Книгой Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане», изданной Генеральным штабом ВС России в 1999 году.

К глубокому сожалению, эта очень полезная для историков Афганской войны книга страдает многими недостатками. Так, наряду с необходимыми данными о погибших воинах она не содержит таких, казалось бы, обязательных о них данных, как: в составе какого соединения и части (номер полевой почты) служил солдат, офицер, прапорщик, место и

более подробные обстоятельства гибели.

Ну какую ценность для исследователя имеют, скажем, данные о том, где работал или учился погибший до призыва в Советскую Армию, его гражданская специальность?

По моему мнению, погибший солдат (этим словом я объединяю все категории военнослужащих) навсегда останется Солдатом, а кем он был до этого – не так важно.

Скажу, что больше всего удивили меня казенные фразы и фальшивые истории в аннотациях о погибших. Например, история, когда начальник гарнизонного Дома офицеров по приказу начальника политотдела дивизии поднимает в атаку пехоту и при этом героически гибнет. За свой подвиг посмертно награждается орденом «За службу Родине» 3 степени.

Простите меня, но каждому мало-мальски разбирающемуся в военном деле, а уж «афганцам» тем более, видно, что эта история – небылица. Во-первых: данная категория офицеров на боевые операции не привлекалась и не то что управлять подразделением в бою, но и быть на поле боя не могла даже теоретически. Во-вторых: если офицер погиб в бою, то почему же он награжден небоевым орденом?

Друзья мои, извините, но так было, и не я это придумал. Невоюющий офицер мог погибнуть от обстрела гарнизона, автоколонны, в сбитом вертолете или самолете, подорваться на mine. Да мало ли где он мог еще погибнуть, это не важно, но это была бы правда, не умаляющая его заслуг перед Ро-

диной. Он уже совершил свой подвиг, служа на земле Афганистана, оставив свою семью и рискуя жизнью ради выполнения мифического интернационального долга. И не столь существенно, непосредственно в бою он погиб или нет.

Непонятен и уровень наград, которыми удостоены погибшие. Одним и тем же орденом Красной Звезды награждается и раненый солдат, подорвавший себя гранатой при попытке его захвата душманами, и солдат, умерший от инфекционной болезни в госпитале.

А почему солдат, погибший от неосторожного обращения с оружием, награжден, а солдат, погибший в бою – нет? И таких вопросов к авторам Книги Памяти – масса.

Сознаю, что это, конечно, не вина составителей: все-таки представление на награждение писали и утверждали командиры, старшие начальники погибших. А они зачастую толком и не знали обстоятельств гибели, а если и знали истину, то старались любую гибель сделать героической.

В свете этого есть предложения к властям и руководству общественных организаций ветеранов Афганистана.

Почему бы не инициировать представление всех погибших воинов-афганцев, всех без исключения, не удостоенных наград СССР, к национальным наградам наших государств? Приурочив хотя бы к пышно празднующимся датам вывода ОКСВА? Хотя бы по несколько человек к каждому празднику, а не к поголовному и неоднократному награждению деятелей афганских ветеранских организаций непонятно за что.

На одном из стендов в музее Великой Отечественной войны в г. Киеве демонстрируется официальное письмо 2001 года из Москвы от Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство» за подписью ее руководителя – бывшего командующего 40А генерала Громова Б.В. Там он обращается к Президенту Украины Кучме Л.Д. с просьбой о присвоении посмертно звания Героя Украины разведчику разведывательной десантной роты 783 орб, заместителю командира взвода сержанту Николаю Бричнику с Житомирщины.

Н. Бричник в решающую минуту боя в ущелье Шаеста 3.08.1980 года принял командование взводом и героически погиб. Подвиг совершен на глазах десятков свидетелей. Казалось бы, какие могут быть сомнения? Тем не менее письмо есть, а результата так и нет.

Формальная причина: *«Звание Герой Украины не присваивается за заслуги, имевшие место в прошлом и не связанные со становлением и развитием независимой Украины» (Положение о звании Героя Украины).*

Тем не менее из 265 Героев Украины это звание в 17 случаях было присвоено посмертно с нарушением этого положения. Значит, можно, если сильно хочется?

Я склоняю голову перед именами всех без исключения погибших в Афганистане, но писать о них надо только правду. Иначе принижается подвиг воинов, погибших в бою за Родину.

Тема потерь в Афганистане – больная тема. Не хочется о

ней говорить, но надо. А о разведчиках надо сказать особо.

По моим расчетам, только в 201 мсд из более 2700 военнослужащих, погибших за все 9 лет и 1 день пребывания на афганской войне, войсковых разведчиков (в том числе и батальонных) погибло никак не менее 280 человек. Это более 10 % от всех погибших. А численность войсковых разведчиков в дивизии – менее 6 % от всего личного состава. То есть уровень потерь почти в 1,5 раза выше, чем в других подразделениях дивизии. И это не от неумения солдат и низкого профессионального уровня командиров, как иногда пытаются показать «исследователи» Афганской войны, не нюхавшие не то что пороху, но и самого Афгана!

Основная причина этого – высокая интенсивность применения разведподразделений в боевых действиях. По журналам боевых действий, проанализированных мной еще в 1984 году, 783 орб на боевых действиях находился почти 300 суток из 365! А интенсивность применения полковой разведки была еще выше!

В книге опубликованы фото Героев Советского Союза и России: офицеров, сержантов и солдат войсковой разведки, удостоенных этого звания за Афганскую войну. Как видите, среди них нет больших начальников, т. е. звание присвоено за подвиги, совершенные непосредственно в бою.

Разведчиков совали во все «дыры», начиная от сопровождения колонн до участия в высадке аэромобильных десантов. А ведь кроме этого, у них были еще и специфиче-

ские действия, характерные только для разведчиков: засады, налеты, разведывательно-поисковые, разведывательно-ударные, диверсионные действия.

Весь спектр их деятельности трудно и очертить. Спросите любого ветерана-разведчика, он вам скажет, что везде на разведку всегда возлагали самые сложные и опасные задачи. Причем в любом звене: дивизии, полку, батальоне. И у меня не укладывается в голове вопрос, который мне задал один из бывших «афганцев» – а сколько раз вы участвовали в боевых действиях? Откровенно скажу: и не считал, и не знаю.

Боевая работа была сущностью нашей жизни. Пробыв в Афганистане «чистых» 643 суток, не знаю, сколько раз я был в боевых ситуациях: может, 400, может, 500 раз. Спросите у любого разведчика, он скажет вам то же. Только солдаты и офицеры не воевавших подразделений и штабов считали боевые выходы, так как для них каждый такой выход – событие! Летчики считали боевые вылеты, водители автомашин – количество рейсов в автоколоннах. А для разведчиков, мотострелков, танкистов, десантников, саперов это было повседневной жизнью.

В годы работы над книгой – памятных годах 70-летия начала Великой Отечественной войны, мне хотелось рассказать о войсковых разведчиках 1941 года. Это мало изученная тема, не осталось очевидцев и документов. Почти все взяла война.

В очерке «Ваше благородие, госпожа удача...» я рассказал

об одном из них — своем отце, тогда младшем сержанте Кузьмине Михаиле Александровиче, командире танка Т-37 144 отдельного разведывательного батальона 164 стрелковой дивизии 18А Южного фронта. В книге описан один из эпизодов его боевой биографии первых двух месяцев войны на территории Украины, рассказанных мне когда-то.

Возможно, что многие истории, рассказанные в книге, кого-то шокируют своей жесткостью и откровенностью, но это правда войны. Так было, и от этого не уйти.

Матери, отцы, братья, жены, дети, друзья воинов-афганцев имеют право знать, как воевали и как погибали близкие им люди.

От героев былых времен не осталось порой имен.

Те, кто приняли смертный бой, стали просто землей, травой.

Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним, мы в груди храним...

(Из кинофильма «Офицеры»)

Войсковая разведка так и называется потому, что ее ведут сами войска: мотострелковые, танковые, воздушно-десантные, десантно-штурмовые. В книге приводится структура войсковой разведки 201 мсд, ее силы и средства, типы вооружения, боевой и специальной техники, их характеристики.

К большому сожалению, документальных материалов о деятельности войсковой разведки нашей 201 мсд в период 1980–1985 годов в военных архивах практически не имеется. Условия того периода, когда даже в историческом формуляре дивизии не упоминается о ведении боевых действий, наложили свой отпечаток и на историю самой дивизии.

Написать эту книгу меня побудило желание восполнить «белые пятна» в боевой истории 201 мсд и рассказать о войсковых разведчиках в Афганской войне.

В мемуарной и художественной литературе про Афганскую войну почему-то пишут в основном о спецназе и десанниках, как будто только они и боролись с моджахедами. Не умаляя их роли, в своей книге мне хотелось рассказать о «чернорабочих войны»: солдатах, сержантах, прапорщиках, офицерах тактического звена разведки – войсковой. Разведки дивизий, бригад, полков, батальонов.

Особенно если у этих существовавших или существующих ныне людей было в жизни приключений столько, сколько не наберется и в приключенческом сериале. Ценность в том, что это реальные люди, многие из которых погибли, плюс реальные события, а не выдумка писателей, которые в своем большинстве не видели в своей жизни ничего такого, о чем пишут.

Нездоровая фантазия, глупые истории, не имеющие ничего общего с реальностью, действительными судьбами людей. А ведь сколько подлинных историй человеческой красоты и

подлости пришлось увидеть за годы войны в Афганистане!

Светлой памяти войсковых разведчиков Афганистана,
павших и живых, я посвящаю эту книгу!

Афганистан. Первое знакомство

Вот, наконец, и место назначения – г. Кизыл-Арват (красная девушка – по-туркменски) Туркменской ССР. Приехали мы туда, выпускники Военной академии бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского 1979 года, в первых числах сентября. Мы – это я и мой однокашник Юрий Корсаков, которым выпало «счастье» служить в Центральных Каракумах.

Надо сказать, что настроение было не особенно бодрым, так как ехали в очередной раз в богом забытый угол. Больше всего угнетало чувство несправедливости: ведь мы поступали в академию тоже из дальних гарнизонов: я из Забайкалья, Юра с Дальнего Востока. Однако по распределению при выпуске получилось как всегда: «лохматые» – кто из Германии, тот в Белоруссию, кто из Украины, тот в Чехословакию, а наш брат – из Забайкалья и Дальнего Востока в Туркестан, а из Туркестана – в Забайкалье.

Однако ничего не поделаешь, тогда мы все были воспитаны в духе неукоснительного выполнения приказа, и не было даже в самой критической ситуации мысли об увольнении из армии, как это делается сейчас: чуть чем недоволен – хлоп рапорт на стол!

Успокаивали себя тем, что, мол, не на всю же жизнь едем туда. Однако реально сознавали, что, видимо, как раз на всю оставшуюся жизнь. Ведь я из Забайкалья «выскочил» только

благодаря тому, что поступил в академию БТВ, а теперь было маловероятно, что поступлю в ВА ГШ им. Ворошилова. Туда поступали только единицы из десятков тысяч офицеров. А другого способа вырваться из Туркестана тогда не было.

Семью свою я отправил к родителям жены в Белоруссию, с условием, что как только устроюсь, сразу их вызову. Мой товарищ ехал всей семьей, так как ему и отправить-то их было некуда: он и жена были родом с острова Сахалин.

Несколько суток в поезде «Москва – Ашхабад» мы видели в окно сначала степи, потом пески. В вагоне почти одни туркмены, каждый со своими чайниками и пиалами. В фирменном поезде хорошая вентиляция и особой жары не чувствуется. Приехали в Ашхабад, ночь провели на вокзале, а утром пересели на местный поезд «Ашхабад – Красноводск» и к обеду были на месте.

Первое впечатление о городе, конечно, было тягостное. Пыль, жара, глинобитные дувалы (заборы), узенькие улочки, чахлая растительность, везде ишаки и верблюды. Правда, когда подъехали на дежурном «Урале» к военному городку, несколько стало легче на душе. Современные пятиэтажные дома, много зелени, система полива, фонтаны, бассейны, короче – цивилизация.

Новое четырехэтажное здание штаба дивизии, где мне предстояло служить, радовало глаз своей ухоженностью. Везде чувствовалась хозяйская рука и основательность.

Командир дивизии Леонтий Алексеевич Робул, молодой

полковник, молдаванин по национальности, принял нас в кабинете обоих сразу. Посадил за стол и обстоятельно поговорил с нами. Он лет 10 назад закончил нашу академию, помнил многих преподавателей и ему были интересны академические новости.

Представился заместителю командира дивизии подполковнику Валерию Ивановичу Миронову, тоже коротко побеседовали.

Далее я пошел представляться своим непосредственным начальникам: начальнику штаба дивизии подполковнику Владимиру Михайловичу Журбенко и начальнику оперативного отделения штаба подполковнику Вениамину Александровичу Черкашину. Они ввели меня в курс дела, Черкашин показал мне мой кабинет, познакомил с офицерами-операторами.

Их было двое: майор Виктор Любецкий и капитан Николай Артюхин. Надо сказать, что прослужили мы в этом составе недолго, всего год, но сработались и сдружились, как будто знали друг друга долгие годы. Мой новый начальник тоже недавно в дивизии – прибыл из Самарканда, где был начальником оперативного отделения штаба 114 мсд кадра (т. е. основательно сокращенной дивизии). Офицеры отделения служили здесь уже 5–6 лет и были опытными туркестанцами.

Хочу подробнее рассказать о начальнике штаба дивизии – подполковнике Журбенко, наиболее старом туркестанце

и ветеране нашей 58 дивизии, прослужившем в Каракумах более 10 лет после окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Сначала командир батальона в 162 мсп, потом заместитель начальника оперативного отделения штаба дивизии, далее начальник этого отделения, командир 101 мсп в п. Иолотань 5 гв. мсд, а с 1978 года – начальник штаба опять 58 дивизии.

В 1980 году поступил в ВА ГШ им. Ворошилова, после ее окончания был начальником оперативного управления в Южной группе войск (Венгрия), потом начальником оперативного управления Ставки Юго-Западного направления в Кишиневе. После ее расформирования стал заместителем начальника Генерального штаба ВС России, генерал-полковником. С 1995 года в отставке. Умер в 2006 году в возрасте 66 лет, похоронен в Москве.

Коротко расскажу о дивизии, в которой мне предстояло служить.

58 мотострелковая Рославльская дивизия была одним из старейших соединений ТуркВО. Сформированная в конце 1941 года под Куйбышевом (ст. Барыш) из частей пограничных войск и НКВД, она прошла всю войну и закончила ее в Вене. Сразу после войны ее передислоцировали в Ашхабад.

В 1949 году после страшного землетрясения в городе, когда в дивизии погибло более 300 человек, она была передислоцирована в г. Кизыл-Арват, районный центр в 200 км за-

паднее Ашхабада, где находилась до самого ее расформирования в 1992 году.

Части дивизии были растянуты на 250 км вдоль единственной в Каракумах железной дороги и стояли в трех гарнизонах: Кизыл-Арват – управление дивизии, 162 мсп, артиллерийский и зенитно-артиллерийские полки, части дивизионного комплекта; Казанджик – 231 тп, 160 мсп; Небит-Даг – 161 мсп.

58 мсд была когда-то горно-стрелковой и до настоящего времени сохраняла некоторые ее элементы: в мотострелковых полках вместо танковых батальонов были отдельные танковые роты, кроме полковых артдивизионов, были еще и батареи 76-мм горных пушек, в батальонах – батареи 82-мм переносных минометов.

Развернутыми почти до полного штата были лишь 162 мсп на БМП-1 и 231 тп на танках Т-55, остальные части – сокращенного состава. Техника и вооружение мотострелковых полков, кроме 162 мсп – самая допотопная. Так, 161 мсп имел на вооружении бронетранспортеры БТР-40, произведенные в 50-х годах, а в реактивно-минометном дивизионе дивизии были на вооружении 160-мм минометы этого же возраста.

Предназначение дивизии – прикрыть границы с Ираном на Закаспийском участке – почти 400 км. Других соединений Сухопутных войск в Центральных Каракумах не было.

Проблемы с бытом для меня решены были практически

моментально. Буквально через неделю я получил хорошую трехкомнатную квартиру на первом этаже (что особо ценно в условиях Туркестана). В этом преимущество забытых богом гарнизонов.

Что же, нет худа без добра, дал телеграмму жене, чтобы выезжала с детьми, и занялся косметическим ремонтом. Вернее не я, а солдаты из комендантской роты.

Я же с начальником штаба дивизии впервые поехал в Каракумы на рекогносцировку полковых учений. Особенно нового там, правда, я ничего не увидел, ведь в 1975 году я почти 3 месяца находился в командировке в пустыне Гоби (Монголия).

Тогда там происходил первый эксперимент в Советской армии по созданию дивизий двойного базирования, по примеру американцев в Европе.

Смысл его состоял в том, что вся бронетанковая техника дивизии ставилась на хранение в пустыне Гоби в 200 км от монголо-китайской границы. Личный состав нашей 92 мсд, дислоцированной в 40 км от Иркутска в поселке Чистые Ключи, должен быть переброшен туда самолетами прямо на полевой аэродром, расположенный в 700–800 м от самой базы хранения. Колесная техника прибывала своим ходом.

Не буду описывать эти 3 месяца в пустыне в самый жаркий период (июнь – август). Но страдали мы там не столько от жары, сколько от инфекционных болезней. Чуть не половина полка оказалась в санитарной зоне: инфекционных

палатках, развернутых метров за 500 от лагеря. А кто будет ставить танки на хранение? Ведь лишних людей нет – только офицеры и механики-водители.

Все независимо от звания и должности работали на технике с раннего утра до поздней ночи, ходили грязные и злые, но объем необходимых работ выполнили в срок.

Поселок Мандал-Гоби, около которого строилась наша база, – центр аймака (района), маленький в две улицы, в центре несколько одноэтажных кирпичных зданий: администрация, почта, магазин, школа. Все остальное – юрты. Вот и вся Монголия, увиденная мной.

В конечном счете оказалось, что идея двойного базирования не оправдала себя. Наша дивизия была сокращенного состава, и прибывшие в Монголию самолетами офицеры, механики-водители танков и БМП должны были там сидеть в одиночестве, ожидая приписной состав, который мог начать прибывать не ранее чем через 3 суток.

А Китай – вот он рядом, и случись какая заваруха, их вооруженные силы не стали бы ждать прибытия нашего личного состава и приведения дивизии в боеспособное состояние.

Это поняли, наконец, даже в Генеральном штабе СССР. Весной 1979 года на территории СССР нашу дивизию укомплектовали до полного штата и ввели в Монголию, но не в Мандал-Гоби, где мы 4 года назад поставили свою технику, а в 230 км севернее на железнодорожной станции Чойр. Все-таки не решились полнокровную дивизию численностью бо-

лее 12,5 тыс. человек поставить в голой пустыне и возить туда за 230 км каждый гвоздь и каждое бревно.

Я же участия в этом переселении избежал, так как с 1976 по 1979 год учился в Академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского в Москве, но, как увидите, в дальнейшем, тоже от пустыни не ушел.

Что бы я хотел отметить, сравнив эти две огромные пустыни и познакомившись с их природными феноменами?

Пустыня Каракумы отличалась от Гоби прежде всего своим климатом.

Гоби – северная пустыня и климат в ней довольно суров, лето жаркое, но ночи холодные. Зимой там вообще температура доходит до 40 градусов мороза с сильными ветрами. Снега практически нет.

Каракумы – южная пустыня с очень жарким климатом летом и мягкой зимой. Летом температура достигает 45 градусов жары, температура почвы до 70 градусов. Часты песчаные бури. Зимой дожди, иногда снег, температура от минус 3–5 до плюс 8—10. Самое приятное время года.

Внешне пустыня Гоби больше похожа на степь, Каракумы – барханные пески, такыры и связанные с ними миражи.

Такыры, это – ровные, эллипсообразные площади с твердыми, лишенными растительности поверхностями, располагающимися иногда изолированно, иногда целыми группами. Глинистый покров такыров настолько тверд, что при движении по нему раздается далеко разносящийся стук.

Глинисто-солонцовая поверхность такыра непроницаема для воды, поэтому когда после весенних и редких осенних дождей образуются небольшие дождевые озера и лужи, то они обычно долгое время сохраняются как водоснабжающие источники. При этом следует помнить, что стоит проехать по ней на машине, как через несколько часов из такой ямы вода исчезает. Это объясняется тем, что продавливается размякший слой глины, открывая воде выход к песку. Такыры обычно окружены со всех сторон песками. На них сходятся множество троп, пересекающих пустыню в разных направлениях.

Миражи – порождение такыров. Выходишь на бархан, и перед тобой разлито огромное озеро с легкой дымкой над поверхностью воды. Подъезжаешь – воды нет, это такыр. Его поверхность отсвечивает на солнце, создавая иллюзию воды. Несмотря на кажущуюся однообразность и какое-то безмолвие, в пустыне есть тоже своя красота и неповторимость, особенно утром.

Бич обеих пустынь – песчаные бури. Конечно, действуя на технике, особенно танках и БМП, ничего нет страшного. Надо остановить колонну, машины вплотную подогнать одну к одной, предупредить людей о том, чтобы не отходили от машин, и ждать окончания бури.

Двигаться нет смысла, потому что видимость составляет 10–20 м и сохранять направление невозможно. Песчаная буря всегда сопровождается магнитной бурей, когда стрелка

компас крутится как бешеная и он становится бесполезным.

Пешим подразделениям приходится гораздо труднее. Опять же, необходимо собрать людей вместе. Желательно лечь на землю, замотать голову чем угодно и ждать окончания бури, продолжительность которой обычно составляет 5–6 часов. Только действуя так, можно ее переждать и не потерять людей.

Однако вернемся в 1979 год. Получив направление в Туркмению, я больше думал о житейских вопросах, а не о военно-политической обстановке, которая складывалась в этом регионе. А она становилась там день ото дня более напряженной.

Еще весной 1978 года мы, слушатели второго курса Военной академии бронетанковых войск, слышали по радио и смотрели по телевидению про Саурскую (Апрельскую) революцию в Афганистане. Нам объясняли, что к власти пришли прогрессивные силы во главе с известным писателем и общественным деятелем Мухаммадом Тараки и что СССР горячо поддержал эту революцию и новую власть.

В нашей академии и до этого события учились несколько десятков старших офицеров афганской армии в ранге майоров-подполковников, мы изредка встречались с ними: все смуглые, горбоносые, неразговорчивые. Большинство из них уехало после революции на Родину, вместо них приехали другие: молодые старшие лейтенанты и капитаны.

Ничего в этом удивительного не было, в нашей академии,

как и во всех других советских военно-учебных заведениях, учились революционеры со всего света: Ангола, Эфиопия, Сомали, Сирия, Ирак, Вьетнам, Камбоджа, Йемен – всех и не перечислишь. Теперь вот прибыли и революционные афганцы.

Забегая вперед, скажу, что в Афганистане через 6 лет я встретил одного из них, это был подполковник Мальхан, заместитель командира 20 пд в г. Баглан. Общаясь с ним, я узнал, что он, тогда капитан, в 1978 году поступил, а в 1982 закончил Академию БТВ.

Ну, прибыли, так прибыли. Как и все советские люди, мы единодушно поддерживали внешнеполитический курс партии и не думали, что нас вскоре ожидает длительная и малоперспективная война в Афганистане. Поэтому я прибыл в Туркмению со спокойной душой, даже не представляя, что через три месяца придется ехать на войну.

К началу осени 1979 года военно-политическая обстановка в мире вокруг Афганистана начала стремительно накаляться. Новый переворот, сделанный Хафизуллою Амином, и убийство президента Тараки сразу сделали эту страну «горячей точкой», иностранное радио сообщало о боевых действиях правительственных войск против оппозиции. На нашем же радио об этом сообщалось вскользь, как бы между прочим.

Вскоре грозные события в Афганистане докатились и до нас, вся моя жизнь после этого пошла совсем по другому сце-

нарию.

Уходит время, стирается память о некоторых событиях, забываются детали. Но то, что произошло в декабре 1979 года в Афганистане, стало крупным мировым событием, историей, поводом для встреч, предметом для воспоминаний, споров, переживаний. Волею судьбы мне довелось стать свидетелем и участником тех событий. Они навсегда врезались в мою память.

Новый этап моей жизни начался очень буднично. 15 декабря в 15.00 у оперативного дежурного в штабе 58 мсд ТуркВО, где я проходил службу в должности заместителя начальника оперативного отделения, а в настоящее время исполнял обязанности начальника, сработала система оповещения «Шнур», в дивизии была объявлена повышенная боевая готовность.

Явившись по тревоге, я прибыл к начальнику штаба дивизии подполковнику Журбенко уточнить задачу. Он сам в растерянности, – «ничего не пойму, сигнал боевой. Буду звонить в Ташкент, может, что прояснится». Однако и из Ташкента никто ему ничего толком не разъяснил.

Через несколько часов идет новый сигнал – «Военная опасность». Ого! Это уже серьезно, так как в учебных целях он никогда не применяется.

Звонят из военкоматов, докладывают, что объявлена мобилизация, уточняют, куда привозить «партизан» – приписанных к частям военнослужащих запаса. К ночи стали при-

ходить автобусы с приписниками: мы начали их распределять, обмундировывать, выдавать оружие и все остальное. В течение трех суток мы приняли в дивизию почти 8500 человек и довели общую численность личного состава до 12 тысяч.

Тогда же получили шифротелеграмму командующего ТуркВО с приказом: дивизии после отмотилизования сосредоточиться в районе 90 км севернее Кушка в готовности к вводу в Афганистан.

18 декабря командир дивизии с частью штаба и с первым эшелоном частей убыли в район сосредоточения. Я с Журбенко контролировал формирование и убытие остальных частей дивизии.

Что творилось в эти дни – передать словами невозможно. Тысячи людей и машин двигались в одну сторону – на восток. Ведь отмотилизовывались не только соединения ТуркВО, но и пограничники, МВД и прочие. В ТуркВО было призвано в общей сложности более 60 тыс. приписников, «партизан» – как их звали. Мужиков всех призвали подчистую, некоторые предприятия вообще остановились. Мрак, подобное, наверное, было только в 1941 году.

С «партизанами» – свои сложности. Туркмения не Украина: плотность населения низкая, основной контингент – туркмены, крупных предприятий нет, нужных военных специалистов тоже. Ведь представители туркменского народа служили в армии в основном в стройбатах, а кому и довелось

служить в боевых войсках, то в кадрированных частях Са-ВО, ТуркВО, где боевая подготовка была явно не на высоте.

Сами условия отмотилизования тоже были крайне неблагоприятные. Вторая половина декабря, на улице зима, мороз минус 3—5 градусов, это, конечно, не Сибирь, но и не Африка.

«Партизаны» же, получив обмундирование и оружие в районах отмотилизования, которые находились в предгорьях хребта Копетдаг, оказались на морозе в чистом поле. Палатки есть, печки-буржуйки тоже, однако топлива для них крайне мало.

Уголь, имеющийся в мобилизационных запасах мирного времени, был израсходован буквально за первые сутки. А ведь кругом голая степь и никакого леса вообще нет. В печки полетели ящики от боеприпасов и оружия, колья от палаток, столы и табуретки, и вообще все, что могло гореть.

Транспорт, прибывающий из народного хозяйства, был явно непригоден для военных целей. Это были автомашины ЗИЛ-130 и ГАЗ-53 с металлическими кузовами, низкой проходимости, неприспособленные для перевозки людей.

В этих условиях командиром дивизии было принято решение вывести отмотилизованные подразделения из полевых районов в жилые помещения гарнизонов, а где их не было, то и в помещения предприятий и ведомств. Повторяю, наша дивизия в мирное время насчитывала около 4,5 тыс. человек, а надо было устроить на жилье еще более 8 тыс.

Все это, конечно, не укладывалось ни в какие рамки планов мобразвертывания, но держать тысячи людей на морозе тоже было нельзя.

Через трое суток после начала отмобилизации начали формировать колонны готовых подразделений и отправлять их в район сосредоточения за 960 км от Кизыл-Арвата, он находился прямо в пустыне, между Кушкой и Тахта-Базар, в 90 км от госграницы с Афганистаном.

Здесь тоже проблемы. Машины из народного хозяйства тентов не имели, а как везти людей на открытых машинах почти тысячу километров в мороз? Правда, догадливые «партизаны», люди с житейским опытом, сумели и тут найти выход. Стали прямо в кузовах устанавливать лагерные палатки и так выходили из положения.

Конечно, внешний вид колонн с такими сооружениями в кузовах напоминал больше цыганский табор или бродячий цирк, но было не до красоты. Эти колонны растянулись по всему маршруту длиной около 1300 км от Небит-Дага через Казанджик, Кизыл-Арват, Ашхабад, Мары и почти до Кушки. И это только одна наша 58 мсд!

А ведь на нашем направлении отмобилизировывались еще и 5 гв. мсд (Кушка, Иолотань, Тахта-Базар), части ВВС и ПВО ТуркВО и многие другие.

25 декабря мы узнали, что по просьбе правительства Афганистана на территорию их страны из Термеза была введена 108 мсд.

Началась афганская война, продолжавшаяся 3340 суток, или 9 лет, 1 месяц, 20 дней. Кто бы мог тогда такое предположить!

Буквально за несколько дней до этого заместитель командира нашей дивизии полковник В.И. Миронов был назначен командиром 108-й дивизии в Термезе вместо генерала Е.С. Кузьмина, назначенного заместителем Главного военного советника в Афганистане. Принимал дивизию он уже в Афганистане.

Забегая вперед, скажу, что полковник (а вскоре и генерал-майор) Миронов успешно там ею командовал, был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Далее занимал высокие должности в Советской армии и Вооруженных силах Российской Федерации: командующий армией, командующий войсками Прибалтийского округа, Северо-Западной группы войск, заместитель министра обороны РФ. Генерал-полковник. Умер в 2006 году в возрасте 63 лет.

Тогда я этого не знал, но уже 16 декабря 1980 г. командующий войсками ТуркВО назначил своим приказом командование Ограниченным контингентом советских войск в Афганистане: командующим – первого заместителя командующего войсками ТуркВО генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова, начальником штаба – заместителя начальника штаба округа генерала Л.Н. Земцова-Лобанова, начальником разведки – начальника разведки округа генерала А.А. Корчагина и далее всех соответствующих должностных лиц штаба

округа.

В этом качестве они действовали до сентября 1980 года, когда было сформировано управление и штаб 40А, первым командующим которой стал генерал Б.И. Ткач, а начальником разведки – заместитель начальника разведки ТуркВО полковник В.В. Дунец. К сожалению, они уже оба умерли и похоронены в Киеве.

Утром 25 декабря с последней колонной нашей дивизии из Кизыл-Арвата выехал и я. 27-го в середине дня прибыли в район сосредоточения, а ночью я слышал по радио «Свобода», что вечером 27-го был штурм дворца в Кабуле, Амин убит, а новый президент Бабрак Кармаль (непонятно, как он, даже формально, успел стать президентом?), обратившись по радио к населению, объявил о создании нового правительства.

Скажу откровенно, что это сообщение повергло меня в недоумение. Мы все считали, что ввод советских войск в Афганистан осуществляется как раз для защиты Амина и его правительства, а тут такой поворот...

В этот же день, а точнее, в ночь на 28 декабря начался ввод в Афганистан 5 гв. мсд, дислоцированной в Кушке. К этому времени ее полки, находившиеся в Иолотани и Тахта-Базаре (удаление от Кушки 220 и 90 км соответственно), были подтянуты к госгранице.

Мы, стоящие за ней «в затылок», тоже ждали своего часа. 28 декабря получили боевой приказ командующего

ТуркВО на ввод в Афганистан и мы. 58 мсд приказано было сосредоточиться в районе восточнее Кандагара и прикрыть границу с Пакистаном. Время начала выдвижения конкретно указано не было. «Начать выдвижение с получением сигнала...» Этот приказ я лично держал в руках и читал, так как не было такого входящего или исходящего оперативного документа, который бы мне не докладывали. Я повторяю, что тогда исполнял обязанности начальника оперативного отделения штаба дивизии.

Поздно вечером 28 декабря меня вызывает начальник штаба дивизии и ставит задачу: вместе с ним, а также начальниками разведки, связи, инженерной службы дивизии выехать с колонной 5 гв. мсд в Афганистан и произвести рекогносцировку маршрута Кушка – Герат, так как наша дивизия через двое-трое суток пойдет по нему до Кандагара.

Сопровождение – взвод разведроты 162 мсп. Поехал в 162 мсп к командиру полка подполковнику А. Черникову, разъяснил тому задачу, договорились о взаимодействии. На это ушло полночи. Остальное ночное время ушло на подготовку выезда, ведь мы не просто выезжали на рекогносцировку, мы ехали в зону боевых действий.

Рано утром 29-го пересекли границу и в общем потоке войск двинулись к Герату. Погода стояла самая отвратительная. Туман, морось, ночью подмораживало. Пограничники были только советские, причем никаких проверок с их стороны не было.

Афганских пограничников не было видно вообще. Шлагбаум на их стороне был поднят и прикручен проволокой в этом положении. Почему-то мне это хорошо запомнилось. Позднее я понял, что этот шлагбаум был символом капитуляции Афганистана перед силой Советской армии и в целом перед СССР.

Поднялись к перевалам перед Гератом – там снег и лед. Высота перевалов над уровнем моря не такая уж и большая – 1300–1400 м, но неумение водить колонны в горах и непродуманность обеспечения марша делали проблемным быстрое их преодоление. К тому же большинство автомобилей из народного хозяйства – грузовики ГАЗ-53 и ЗИЛ-130 с низкой проходимостью, они буксовали на подъемах, создавая заторы, и скользили неуправляемые вниз.

Приходилось на наиболее сложных подъемах и спусках ставить БМП или гусеничные тягачи, которые, зацепив тросом машину, вытаскивали ее на перевал, там ее зацеплял другой тягач и на натянутом тросе спускал вниз. Долго, но надежно. Другого здесь ничего не придумаешь.

Первое впечатление об афганцах – несчастный, забитый народ, в галошах на босу ногу, в одежде, какую я видел только в исторических фильмах. На падающий снег они совсем не обращали внимания. Что-то кричали, размахивали тускло поблескивающими фонариками и просто руками. В кишлаках и даже в городах электрического освещения не было вообще.

Помню, что меня очень удивило и отсутствие отопления в домах. В лучшем случае печка-буржуйка с вмонтированным в нее бачком для воды, в котором готовился чай. Но это у богатых людей. А в большинстве домов – небольшое углубление в полу, где горел пучок соломы, сухие кизяки. Вообще непонятно для чего: то ли для обогрева, то ли для освещения комнаты. Одним словом – нищета, примитив, дикость.

Среди встреченных нами цивилизных афганцев я никого с оружием не заметил. Они стояли вдоль дороги, некоторые, особенно дети, хватали все, что им только бросали с машин: хлеб, консервы, шинели, бушлаты, сапоги. Другие стояли поодаль и молча смотрели на проезжающую технику. Однако каких-то враждебных чувств к нам в их поведении я не заметил. По афганскому календарю заканчивался 1356 год (новый 1357-й начинался 1 марта).

Кстати сказать, некоторые авторы, говоря об этом периоде, ссылаются на статью генерала Ю.В. Шаталина – командира 5 гв. мсд, который вспоминает, что афганское население встречало советские войска цветами. Это не так.

Что-то я не помню, чтобы 28 декабря на севере Афганистана росли цветы. Я повторяю – была мерзкая холодная погода со снегом и дождем, и афганцам было не до цветов.

Понятно, что вторжение в страну чужой армии – не повод для проявления бурной радости среди местных жителей. В 1968 году я по телевизору видел хроники такого же ввода советских войск в Чехословакию. Там показывали кадры

реакции ее граждан и неоднозначное их поведение: от нейтрального до враждебного, но уж никак не радостное.

Афганцы же, на первый взгляд, отнеслись к этому событию как-то равнодушно. Может, традиционная восточная невозмутимость, может, десятилетиями воспитанное у них отношение к СССР как к другу сыграли свою роль.

Советские люди по своей природе и воспитанию всегда были жалостливы и неравнодушны к чужой беде. О каком-то сопротивлении со стороны афганцев даже и мысли не могло быть. Если у нас и были потери, то только от автомобильных катастроф. По дороге я сам видел несколько наших машин, упавших в ущелья.

В воздухе постоянно курсировали вертолеты МИ-6 и МИ-8, перевозя десантников с территории СССР вглубь страны. Изредка появлялись и боевые МИ-24, патрулировавшие вдоль и в стороны от маршрута. Стрельбы и взрывов бомб не было слышно, видимо, все было спокойно. Кое-где встречались небольшие подразделения афганской армии, они были с оружием и занимали позиции около дороги и в глубине кишлаков.

Впервые увидел на дорогах и афганскую экзотику – грузовики, которые наши солдаты с первых дней стали называть «бурбухайками».

«Бурбухайки», от слов «Бурум бухай» – «вперед ежай» (*дари*), – грузовые машины в Афганистане. Для дешевизны приходят в страну в заводской комплектации как шас-

си, т. е. без кузова, а бывает, и без кабины. Если мотор четырехцилиндровый, грузовик называют «рокэт», 6-цилиндровый – «шеш» (на фарси значит «шесть»).

В ремонтной мастерской устанавливают огромный кузов с высокими бортами и вместительную шестиместную кабину (для пассажиров). Затем машину «расписывают». На кабине везде, где только можно, водитель развешивает металлические украшения, бляшки, мониста, флажки с изречениями из корана, кисточки. В кабине устанавливают множество зеркалец, а над ветровым стеклом с внешней стороны рисуют два больших ока – отвести дурной глаз.

На усиленных металлом стенках кузова вырисовывают живописные картины: Мекка, Тадж-Махал, крылатые кони, птицы и прочее. Изображения людей – табу, запрещено Кораном. Все внешние части машины, которых касалась кисть, красят в разные, наиболее яркие, цвета. В общем – цирк на колесах. Их, конечно, безжалостно стогнали в кюветы, чтобы не мешали движению. Нахохлившиеся водители и пассажиры, укутанные своими национальными покрывалами, смиренно сидели на корточках и смотрели на проходившую военную силу. Такого они, конечно, никогда не видели.

Пройдя за день все три перевала: Рабати-Мирза, Бандаб-огучар, Хушрабат, мы остановились перед Гератом на ночлег. Журбенко по радио доложил комдиву обстановку и тот приказал возвращаться. Ехать нам дальше не было смысла, так как за Гератом начиналась пустыня и проблем соверше-

ния марша по ней не было.

Непривычно было смотреть на Герат ночью: перед нами был крупный (по афганским меркам, конечно) город, а городских огней не видно. Сплошная черная мгла, кое-где мерцали отдельные огоньки. Это была моя первая ночь на афганской земле. Тогда я даже и не мог себе представить, что через три года у меня будет 643 таких ночи. Намного позже я услышал песню «Кукушка», слова которой врезались мне в память на всю жизнь:

«...я тоскую по родной стране, по ее рассветам и закатам. На афганской выжженной земле спят тревожно русские солдаты.

Они тратят силы не скупясь. Им привычны горе и усталость. Сил своих не копят про запас, так скажи же – сколько им осталось?»

Переночевав в боевых машинах, мы утром начали обратный путь. Возвращаться в Кушку было гораздо тяжелее. Нам навстречу шел бесконечный поток машин, приходилось останавливаться, пропускать целые колонны.

К исходу дня подошли к госгранице, опять переночевали в машинах и лишь только во второй половине дня 31 декабря вернулись в дивизию. Там меня ждал новогодний подарок – приехал из Москвы мой непосредственный начальник подполковник В.С. Черкашин, его отозвали с курсов повышения квалификации при Академии им. М.В. Фрунзе. Жить стало легче, появился начальник. Мне и так здорово доста-

лось за эти месяцы. Надо же, через три месяца после выпуска из академии – и на войну!

Шли дни, а команды на ввод в Афганистан нашей дивизии не поступало. Прилетал на вертолете главком Сухопутных войск генерал армии Павловский, прилетали другие чины, но никто не мог нам точно сказать: будут нас вводить или нет? Первые 3–4 дня в дивизии находилась оперативная группа Генерального штаба, но потом ее направили в Афганистан, видимо, было не до нас.

Начались будни. И вот уже 1,5 месяца, как наша дивизия стоит в песках между Кушкой и Тахта-Базаром. Первое напряжение спало, эта бессмысленная кочевая жизнь всем осточертела.

Сбежать «партизанам» было некуда: до станции Тахта-Базар – 15 км, до Кушки – 90 км, вокруг одни пески. Видимо, поэтому нас сюда и поставили, ведь если бы была в нас оперативная необходимость, мы бы стояли у Кушки вблизи границы, а здесь, в песках, нас можно было держать еще хоть полгода.

За это время мы не сидели сложа руки: провели несколько командно-штабных учений на картах, где отрабатывали вопросы управления и взаимодействия при вводе дивизии на территорию Афганистана. Подразделения проводили боевые стрельбы, слаживание рот и батальонов – наша дивизия становилась постепенно единым боевым организмом, а не толпой вооруженных людей.

Не обошлось без казусов. При розыгрыше одного из этапов командно-штабного учения подчиненный штаб начал докладывать обстановку и решение по ней в эфир открытым текстом. Представляете себе: «...совершить марш по маршруту Кушка, Герат и к... сосредоточиться в районе 10 км восточнее Кандагар. Занять рубеж...Быть готовыми отразить нападение...» И так далее, в таком же духе. И это в условиях, когда вся радиоэлектронная разведка США вела круглосуточное тщательное прослушивание эфира.

Особого значения в дивизии этому не придали, так как работали в ультракоротковолновом диапазоне и радиостанциях малой мощности. Однако этот наш промах не прошел мимо радиоконтроля КГБ. Через пару дней комдив получил от начальства «втык» за нарушение правил радиообмена. Соответствующее «вливание» получили командир проштрафившегося полка, начальник штаба и начальник связи – непосредственные виновники.

А тут новая забота. Появились первые грозные признаки начинающегося разложения. Все чаще в дивизии стали случаться ЧП: пьянство, драки, кражи. Среди офицеров на почве пьянства произошло несколько самоубийств. В комендантской роте дивизии украли 2 пистолета ПМ, их еле-еле нашли.

Арестовали трех солдат срочной службы, в том числе писаря нашего оперативного отделения. Состоялся суд – все они получили по 2 года дисциплинарного батальона. В воз-

духе запахло грозой. Оружие и боеприпасы, находившиеся на руках, собрали, и стали хранить по правилам мирного времени.

Комдив генерал Л.А. Робул, видя такое положение, приказал нам, операторам, срочно разработать двустороннее дивизионное учение, чтобы чем-то занять войска. За неделю штаб дивизии подготовил необходимые документы.

Разделили дивизию на две части и «воевали» друг с другом. Одни оборонялись, другие наступали, потом обороняющие переходили в контрнаступление, а наступающие переходили к обороне и т. д. Никогда ни до, ни после я не участвовал в таком учении. Они продолжались почти 2 недели, мы перерыли всю пустыню окопами и траншеями, благо земель сельскохозяйственного пользования здесь не было. Но раз войска заняты, значит им не до безобразий.

После 23 февраля, когда в Кабуле прошли довольно сильные волнения, спровоцированные оппозицией, естественно, с гибелью нескольких сотен мирных жителей, возобновились слухи о вводе нашей дивизии в Кандагар. Опять прилетело высокое начальство из Москвы, в частях опять начали проводить смотры готовности и все прочее, что с этим связано.

К тому времени мы уже несколько расслабились, соскучившись по семьям, с нетерпением ждали приказа о возвращении. Игра в войну уже всем надоела. А тут такое...

Однако руководство СССР, видимо, не решилось на ввод дополнительного контингента, и в первых числах марта, на-

конец, была решена судьба нашей дивизии. Ее решили вернуть в места постоянной дислокации, а «партизан» отпустить домой. Видимо, в Москве посчитали, что ввод войск в Афганистан завершен успешно и введенных сил достаточно для выполнения задач.

Скажу сразу, что считаю это серьезным военным просчетом. Как раз в Кандагаре-то и нехватало дивизии, чтобы блокировать открытую границу с Пакистаном. Силы 70 гв. омсбр в Кандагаре, развернутой на базе 373 гв. мсп (п. Тахта-Базар) 5 гв. мсд, были слишком малы для выполнения этой задачи. Хотя бригада и имела четыре мотострелковых, один десантно-штурмовой батальон, танковый батальон, артиллерийский дивизион 5 батарейного состава – всего 4000 бойцов, до боевых возможностей дивизии она явно не дотягивала.

Не зря через 4,5 года, в 1984 году, на этом направлении была развернута 22 бригада спецназа для борьбы с караванами, однако в целом эту проблему до конца войны так и не решили.

Потому к 1986 году ОКСВА постепенно увеличили с 80 до 108,8 тыс. человек (в том числе 106 тыс. военнослужащих), а количество воинских частей довели до 509 в 179 военных городках.

Для нашей же 58 мсд Афганская война тогда благополучно закончилась. Мы с сознанием выполненного долга отправились в обратный путь.

Что опять творилось на дорогах – не описать. Опять около 5 тыс. машин двигались, но теперь уже от государственной границы и все одновременно. Ведь параллельных маршрутов в Туркмении не было. К удивлению, несмотря на такой хаос, обошлось всего несколькими авариями без человеческих жертв. К 8 марта мы вернулись в Кизыл-Арват, к всеобщему удовлетворению и нас, и особенно наших семей.

Меня сразу после возвращения отправили в очередной отпуск, я вместе с семьей уехал к родителям в Сибирь и вернулся только через 1,5 месяца, когда все последствия нашего мобилизационного развертывания уже были ликвидированы. Не обошлось, конечно, без воровства и растрат, несколько офицеров и прапорщиков получили тюремный срок, а так, в целом, вроде бы ничего и не произошло.

Весь 1980 год изобиловал организационными мероприятиями. Весной в Кушке сформировали новую 88 мсд на местах бывшей дислокации 5 гв. мсд, а в Ашхабаде – 31 армейский корпус (ранее в ТуркВО все дивизии были окружного подчинения).

Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант танковых войск Б.М. Шеин, прибывший из Кемерово. Управление и штаб корпуса были собраны, как говорят, с миру по нитке, так же как и сами части 88 мсд: 414 мсп – из Уральского округа, 129 тп – с Северо-Кавказского, Тахта-Базарский полк – из Прибалтийского, 479 мсп Иолотанский – из Ленинградского округов.

Можно себе представить, что это были за коллективы – сборная солянка. Однако ради справедливости, не хочу сказать, что туда собрали все отбросы с округов, так как офицеров и солдат туда не отбирали, а назначали целыми подразделениями. И категориически запрещалось кого-либо из этих подразделений переводить в другие.

Но само по себе наличие массы новых людей, значительная часть из которых прибыла с повышением в должности, новое место службы и непривычные условия жизни значительно усложняли процесс формирования коллективов, в первую очередь боевых подразделений.

Кроме того, всем им говорилось, что они едут выполнять интернациональный долг в Афганистане. То есть временно, на 2 года. Потом замена. А как получилось? Приехали в Кушку, рельсы закончились, слезай, приехали! Тут и будете служить. Как говорилось в старом армейском анекдоте о Кушке:

«...Две надписи на Кушкинском кресте:

Первая – «1880 г. – подпоручик Иванов, за дуэль сослан сюда на 10 лет».

Вторая – «1980 г. – лейтенант Иванов, сослан сюда неизвестно за что и неизвестно насколько».

Кроме всего прочего, возникло много бытовых вопросов: 5 гв. мсд ушла в Афганистан, а семьи остались. Уехали и освободили квартиры единицы. Остальным было просто некуда ехать. А вновь прибывшие оказались, как говорят, на

бобах. Жить семьям негде, Кушка город маленький и частную квартиру там не снимешь. Короче говоря, сплошные житейские проблемы, а ведь главное – надо было в короткие сроки создать боеспособную дивизию, способную стать на южных рубежах СССР.

Лето 1980 года для меня выдалось поистине жаркое. Сначала в июне меня привлекли в штаб корпуса на разработку дивизионных учений с 88 мсд. Штаб корпуса состоял из офицеров, большинство которых прибыли из внутренних округов с повышением в должности. То есть амбиций море, а знаний и особенно умений – пшик! Поэтому привлекли нескольких офицеров-туркестанцев для оказания практической помощи «варягам». В число «варягов» попал и я.

Мы (это я и мой однокашник по Академии БТВ К. Никишин) целую неделю в одной машине с командиром корпуса мотались по пустыне в районе Тахта-Базара и Кушки (где полгода назад стояла наша 58 мсд), выбирая места для отработки учебных вопросов учения. Там-то я тесно познакомился с командиром корпуса.

После этой командировки – новое задание. Москва проводила войсковые испытания новых боевых машин пехоты БМП-2. Сначала их испытывали в горах на Кавказе, потом паромом перевезли в Красноводск, где они должны были совершить 500-километровый марш по пустыне до Ашхабада. Мне было поручено выбрать маршрут по пустыне и провести по нему колонну из 20 машин подальше от людских глаз, так

как техника была секретная.

Я выбрал маршрут, проехал по нему, встретил в Красноводске прибывшую технику и заместителя командующего войсками СКВО генерал-лейтенанта Дубинина, доложил ему свои предложения, он их утвердил и после этого мы двинулись в путь.

Не буду описывать, как мы шли 500 км по такырам и барханам при 50-градусной жаре – это можно только прочувствовать на своей шкуре, но задание было выполнено, и я вернулся в дивизию.

А тут вскоре поступило заманчивое предложение. Мне предложили в 88-й мсд должность командира мотострелкового полка на ст. Тахта-Базар. Я не раздумывая, сразу согласился, и на меня подготовили представление.

Съездил в Ашхабад на беседу к командиру корпуса генерал-лейтенанту Б.М. Шеину, тот поддержал мое назначение. Однако приблизительно через месяц из округа пришел отказ, мотивированный тем, что я не прошел должности заместителя командира полка. Одновременно мне предлагалась должность начальника штаба 129 тп в Кушке. Я опять же, не раздумывая, согласился, и в ноябре пришел приказ на мое назначение.

И вот Кушка. Я здесь впервые. Много слышал об этом городе. Кто не знает известную армейскую поговорку, которую приписывают бывшему коменданту крепости Севастополь генералу Востросаблину, который в 1905 году отказал-

ся открыть артиллерийский огонь по мятежному крейсеру «Очаков» и был отправлен комендантом в Кушку – «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют».

Первое, что видишь, подъезжая хоть на поезде, хоть на автомобиле – это 10-метровый крест на постаменте на самой высокой сопке (выс. 802). Его видно с любой точки города. Этот крест – единственный сохранившийся из четырех построенных в 1913 году в честь 300-летия царствования династии Романовых.

Они были поставлены на всех окраинных точках Российской империи: западной – в Польше, восточной – Беринговом проливе, северной – Кольском полуострове, южной – в Кушке. Время, революции, войны, климат уничтожили все кресты, кроме кушкинского.

Другая известная туркестанская поговорка: «Есть на свете три дыры: Теджен, Кушка и Мары, есть у них и младший брат – небольшой Кизыл-Арват». Что касается города Мары – областного центра в Туркмении – это не совсем верно, а остальные города полностью отвечали этой поговорке. Ну, в одной из этих дыр я уже отслужил год, теперь предстоит служить во второй.

Город Кушка внешне был намного лучше Кизыл-Арвата, хотя и меньше по размерам и численности населения. Более современный, что ли, более ухоженный. Да и климат здесь в предгорьях был холоднее, чем в Центральных Каракумах. Афганистан был в трех километрах от моего дома. Здесь, как

позднее оказалось, мне предстояло жить 2 года, а моей семье – 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.